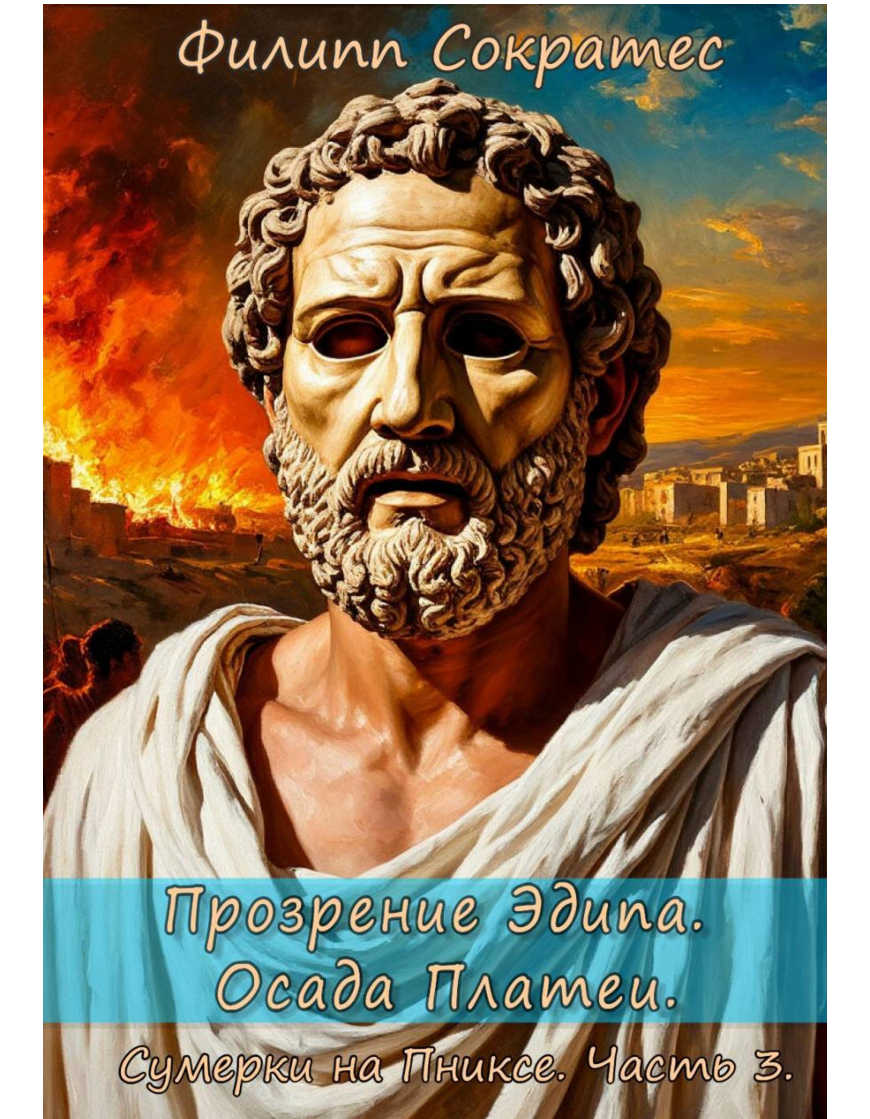

Филипп Сократес

Прозрение Эдипа.
Осада Платеи.

Сумерки на Пниксе. Часть 3.

Филипп Сократес

Прозрение Эдипа.

Осада Платеи.

<https://litres.ru/74412978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Начало Пелопонесской войны. Осада Афин спартанцами. Страшная чума в городе. Битва за Платеи. Продолжение истории афинянина Эвриптолема. Третья часть цикла "Сумерки на Пниксе" о Пелопонесской войне по мотивам произведений Фукидида, Плутарха и Ксенофанта.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Филипп Сократес

Прозрение Эдипа.

Осада Платеи.

Глава 1

Первая зима той войны ничем не запомнилась, потому что ничем не отличалась от предыдущих, мирных зим. О том, что война началась или вот-вот начнётся, никто не хотел вспоминать, словно боясь спугнуть эти сонные зимние деньки, наполненные бесконечными разговорами о разном. Да никто толком не верил, что мира больше нет. Как будто просто государства повздорили и перестали общаться друг с другом, как бывает с соседями. С улиц исчезли провидцы, которые так пугали горожан в последнее лето. Их перестали слушать ещё осенью, а особо упорных гнали с улиц, чтобы не привлекали несчастья. Люди стали настороженно учтивы друг с другом, стараясь наладить отношения с друзьями и соседями. В особом почёте были люди постарше, которые ещё помнили предыдущую войну со Спартой. Их аккуратно расспрашивали о прошлом, пытаясь в нём разглядеть будущее. В воздухе висела тревога. И особенно я чувствовал её, когда по ночам ко мне, дрожа, прижималась Хлоя, пытаясь

укрыться то ли от этой тревоги, то ли от зимнего холода.

«Не бойся, милая... всё хорошо», - шептал я ей тогда, веря, что мудрые Перикл и Архидам не допустят невзгод для своих граждан.

Первая кровь пролилась ранней весной в соседней Беотии.

Весть принёс совсем молодой вестник. Глаза его горели смесью восторга и ужаса, а плащ был грязным и сырым.

Я стоял на Пниксе под весенним хмурым небом, среди затаившей дыхание толпы, и слушал, как он возбуждённо рассказывал собранию о враждебных фиванских гоплитах, вошедших ночью в союзный беотийский город Платеи. Было понятно, куда метили фиванцы. Крохотные Платеи стояли заслоном между враждебными Афинам Фивами и Пелопоннесом и особо охранялись мирным договором. И фиванцы его нарушили.

- Будь проклят Арес, - мысль настойчиво лезла в голову.

С того собрания я ушёл с холодным, тянущим вниз ощущением потери. Как будто упала и разбилась красивая статуя или амфора с любимым рисунком. То, что дорого, но что не восстановишь. Хотя любая статуя или амфора ничего не стоят по сравнению с потерей мирного семейного покоя. А я чувствовал - больше, чем осознавал, - покоя больше не будет.

Вскоре из Платей прибыл ещё один гонец. Тоже в грязном плаще, но спокойный и величавый, как жрец Зевса.

- Граждане Афин. Возрадуйтесь, мы победили, - торже-

ственно объявил он собранию.

- Фиванцы дерзко пытались переманить нас в Пелопоннесский союз. Но у них ничего не вышло. Когда мы поняли, что их слишком мало, мы окружили их и перед рассветом атаковали. - Гонец сделал театральную паузу.

- Схватка была яростной. Фиванцы, сомкнув ряды, три раза отразили нашу атаку. Но весь город был против них. И даже пролившееся дождём небо было против них. Стратег их, Еврилох, получил рану - и фиванцы не выдержали.

Гул одобрения пробежал по толпе горожан. Некоторые даже расслабленно улыбнулись. Как будто мы уже победили. Глупцы, всё только начинается, думал я с досадой, слушая степенного платейца.

- Мы ловили их по закоулкам, как овец. А часть из них сама зашла в большой сарай, решив в темноте, что это ворота из города!

Хохот загремел по Пниксу.

- Богиня удачи - Тюхе - на нашей стороне! - весело крикнул сухощавый немолодой гражданин, оглядываясь вокруг.

- Ты забыл, насколько переменчиво бывает её настроение, - ответил я ему про себя, не открывая рта.

- А что стало с пленными фиванцами? - серьёзный голос стратега Перикла прервал хохот.

- Вход в сарай оказался входом в Аид для них, - спокойно, улыбаясь, ответил платеец, торжественно оглядев собрание. - Они все мертвы. Все до одного, включая Еврилоха, их

стратега.

- Проклятье! - не сдержавшись, выкрикнул Перикл, прикусил губу и мотнул головой.

Над Пниксом повисла тишина.

- Зачем? - в голосе Перикла звучало нескрываемое раздражение. И я всей душой его разделял.

- У фиванцев были тайные сторонники среди наших олигархов. Ведь кто-то открыл им ворота ночью, - платеец перестал улыбаться, повернулся к Периклу, но оставался спокоен. - Феенет, сын Толмида, прорицатель и толкователь божественного права, объявил, что фиванцы - враги платейцев и честных эллинов. Если помните, они предали олимпийских богов во время нашествия персов. Феенет предложил казнить их. Мы проголосовали. Его поддержало большинство.

Перикл горько вздохнул и отвернулся.

Дальше собрание протекало уже не так весело и больше походило на военный совет, в котором граждане были лишь наблюдателями. Когда Перикл вынес свои предложения, абсолютное большинство его поддержало. В Платеи были отправлены припасы и большой отряд афинских гоплитов, а из города в Аттику вывезли стариков, женщин и детей.

Я шёл с собрания, щурясь от яркого весеннего солнца, но мысли мои были безрадостны. Арес проснулся - это было очевидно. И теперь наша очередь держать удар. Но почему бога войны разбудил какой-то безвестный прорицатель из захолустья, а жертвы ему будет приносить вся Эллада?

Отгремели гуляньями и театральными постановками Великие Дионисии. И сразу по их окончании по агоре поползли неясные слухи, что огромная пелопоннесская армия движется в сторону Аттики. Домой эти слухи приносили женщины в своих корзинах среди пучков сельдерея и моркови, а мужчины лишь недоверчиво хмурились, слушая их. Но вскоре слухи стали чётче и превратились в новости, которые сами мужчины приносили домой в тревожных глазах, поймав на Пниксе или у Пританея. И женщины усаживали мужей за стол, вкусно кормили и всячески задабривали, надеясь, что те развеют их тревоги и скажут, что все слухи - просто бабские сплетни.

Во всяком случае, так себя вела Хлоя. Я старался не пугать её, отвечая на её расспросы расплывчатыми оптимистичными фразами, но, мне кажется, делал это неловко и только больше тревожил её.

Весной сомнений не осталось. Спартанский царь Архидам во главе союзного войска выступил в поход на Афины.

Ярким майским утром на срочном собрании глашатай зачитал нам две новости. Во-первых, пелопоннесское войско числом не меньше шестидесяти тысяч воинов уже на границах Аттики.

Новость приняли тихим ропотом. Воинственных призывов тогда ещё не было слышно.

- Ого, откуда столько? - ужаснулся стоящий рядом со мной

сосед Аникет. - Да мы едва ли треть наберём от этого числа.

Глашатай поднял руку и огласил вторую новость:

- Мелесипп, сын Диакрита, посланный царём Спарты Архидамом, стоит у ворот города и просит выслушать его в собрании.

Эту новость приняли в тишине. Но тишина на Пниксе - явление очень недолгое. Послышались отдельные голоса с верхних рядов.

- Гнать его взащей! Так дела не решаются!

- Приставили нож к горлу и предлагают договориться!

- Давайте сначала выслушаем, прежде чем гнать.

Вскоре голоса стали сливаться, и вот уже собрание ревело. Люди кричали и спорили, не жалея глоток. Как будто криком хотят прогнать спартанцев, подумал я с горькой иронией.

На трибуну поднялся Перикл и поднял руку. Граждане послушно притихли.

- Афиняне. Я всегда держался одного мнения: пелопоннесцам уступать не следует. И сейчас - тем более. Знаю, что люди принимают решение воевать с большим воодушевлением, чем потом ведут войну.

Граждане молча слушали. Я догадывался, куда клонит Перикл. В конце концов, он уже воевал со спартанцами.

- Лакедемоняне давно замыслили против нас недоброе. - Перикл сделал паузу, оглядев собрание. - Мы предлагали третейский суд - они отказывали. Мы предлагали переговоры - они присылали ультиматумы. - Голос Перикла крепчал,

он уже почти кричал. - Они не просят и не жалуются. Они повелевают. Снять осаду с Потидеи. Признать независимость Эгины. Отменить мегарское постановление. А теперь - во-все признать независимость всех эллинов, то есть отменить Морской союз! А отменят ли они тогда Пелопонесский союз?

Мой сосед вздрогнул и поежился. Афиняне не привыкли к такому Периклу. А тот опять сделал паузу. Дальше он повёл речь мягче. Я внутри усмехнулся. Да, дядя был великим оратором.

- Подумайте: если мы уступим им сегодня в малом, они завтра потребуют большего. Уступивший раз - уступает всегда!

Гул пробежал по Пниксу. Перикл поднял руку.

- Теперь о силе. Мы не слабее пелопоннесцев. Пелопоннесцы - земледельцы. Они живут трудом своих рук, и ни в частных домах, ни в казне денег у них нет. Долгой войны - тем более заморской - они не выдержат. Их союз непрочен: каждый город тянет в свою сторону, каждый думает о своём, пока общее дело гниёт. Они рассчитывают на одно сражение. Одно!

Я невольно кивнул. Всё это я слышал уже от дяди.

- Наша же сила - флот! В море нам нет равных. Морское дело - это искусство. И ему нужно учиться. Мы этому искусству учились годами. И начали его совершенствовать ещё наши отцы до Саламинской битвы. А пелопоннесцы - никогда.

Он остановился. Дал гулу одобрения насытить воздух. Голос Перикла стал очень мягким. Он почти упрасивал.

- И ещё одно. Самое трудное. Если пелопоннесцы войдут в Аттику - мы не выйдем в поле.

Он посмотрел на притихших граждан.

- Слышите? Не выйдем. Считайте, что мы живём на острове. Пусть горят поля. Пусть враг опустошает деревни. Мы будем господствовать на море - и опустошение части Пелопоннеса обойдётся им дороже, чем опустошение всей Аттики нам.

Это было неожиданно. Его слова легли в повисшую тишину.

- Я боюсь не врагов, - закончил Перикл ещё тише, так, что многие мои соседи подались вперёд, чтобы услышать его слова. - Я боюсь наших собственных ошибок. Война неизбежна. Но чем спокойнее мы её примем - тем менее яростным будет удар.

Перикл вздохнул.

- Наши отцы отстояли всю Элладу от персов, не имея и половины того, что имеем мы. Они были мудры и стойки - не богаты и не многочисленны. Мы должны быть достойны их. Передать потомству нашу державу не меньшей и не слабейшей.

Когда он закончил, Пникс некоторое время молчал. Потом послышались хлопки слева и справа. Затем их стало больше, и они переросли в овацию, а потом и в рёв, как будто

мы уже пошли в атаку. Я тоже кричал - и только потом понял, что не знаю: от воодушевления или от страха. И это продолжалось целую вечность. В какой-то момент я оглянулся. Мой сосед Аникет стоял и молча смотрел в землю перед собой. Глядя на него, я тоже замолчал.

Когда граждане вдоволь накричались, они проголосовали. Спартанского посла постановили выпроводить до границы, даже не пустив в город.

Я был в отряде, который сопровождал посла и его свиту до границы.

Лакедемоний, бывший начальником отряда сопровождения, знал спартанского посла Мелесиппа с детства. У пограничного столба он подошёл к спартанцу и, взяв за уздцы его лошадь, произнёс чуть виновато:

- Прощай, Мелесипп. Жаль, что так всё вышло... Поспешите, пока солнце ещё не село. К ночи будете в Мегарах.

Уже не молодой спартанец Мелесипп вздохнул и ответил, задумчиво глядя на заходящее солнце:

- Сегодняшний день может стать началом великих бедствий для эллинов. Прощай, Лакедемоний. Быть может, мы уже встретимся на поле боя.

Я вернулся домой уже в темноте.

- Твоя мама здесь, - тихо сказала Хлоя, первая встретив меня во дворе.

Я поздоровался с матерью, которая пыталась казаться спо-

койной и весёлой, хотя её тревожные глаза говорили о многом. Ведь она знала не понаслышке, какие лишения несёт Арес.

Хлоя велела накрыть поздний ужин. Пока я жевал свой сыр, женщины терпеливо смотрели на меня.

Наконец мать не выдержала:

- Сынок, расскажи, что было на собрании. Отец пришёл сам не свой, накричал и ничего толком не объяснил. Город полон слухов. Один страшнее другого.

- Мама, да, будет война со Спартой. Но всё будет хорошо. У Афин крепкие стены. Осадой нас тоже не взять, пока у нас есть флот.

- А что будет за стенами? Как же наше имение? Да и как вся Аттика поместится в городе? - Мать подошла ближе, и я увидел в её глазах спокойное пронзительное внимание. Я почувствовал себя ребёнком и невольно отвернулся - терпеть это было невыносимо. Она коснулась меня своей рукой, и я вздрогнул.

Мама тихо вздохнула.

- Может, Перикл откупится, как в прошлый раз? - сказала она задумчиво.

- Не знаю, мама. Будем надеяться. У Перикла всегда есть план, - сказал я мягко, повернувшись к ней и обхватив её тёплую шершавую ладонь своими ладонями.

Но я горько осознавал: второй раз спартанцев не задобрить, да и вряд ли царь Архидам, командуя союзным вой-

ском, пойдёт на уступки.

Глава 2

Опасения мои сбылись. Вскоре я увидел то, что большинству афинян не могло присниться в кошмаре. Жители Атики, привыкшие к благоденствию и размеренности долгих мирных лет, теперь ожидали врага на своей земле.

Я помню, как охнул отец и схватился за грудь, услышав на Пниксе слова Перикла о том, что если его имения уцелеют после прихода спартанцев, он сам передаст их городу. И не он один.

Люди растерянно переспрашивали сказанное Периклом. Никто не хотел верить, что их пропитанная потом земля может вдруг стать чужой, даже на время.

Те, кто осознал это, бросались спасать имущество. А за ними - все остальные. Город охватило безумие.

Я был призван на службу всадником и пропадал в разведке, отслеживая движение вражеского войска. И воочию наблюдал, как оно ползло по Аттике ленивым змеем, пачкая весенний сельский пейзаж дымом пожаров разорённых деревень-демосов и имений знати.

Когда же возвращался, я не узнавал дом отца, наполненный тревожной суетой. Уже не молодой отец без усталости метался во главе рабов между городским домом, имением и Пиреем, переправляя лошадей и скот на острова, а имущество - в город. Хлоя, сильно помогавшая ему в этом, сето-

вала, что жизнерадостный и беспечный отец, которого она успела полюбить, сдаёт на глазах, с трудом перенося потери и перемены.

Однажды в конной разведке мы обнаружили отряд беотийцев совсем недалеко от имения отца в Холарге. Лакедемоний, мой командир, отпустил меня, чтобы я успел предупредить тех, кто мог быть в усадьбе или в поле.

После пяти стадий бешеной скачки я влетел во двор нашего сельского дома.

Отец сорвал голос на четверых рабов, пытавшихся втащить бронзового мальчика-Пана на уже доверху нагруженную повозку. Я сразу узнал статую - и сердце замерло. Покрытая благородной патиной, местами позеленевшая, она принадлежала руке знаменитого Поликлета. Отец очень гордился ею. Сколько я себя помню, она стояла в центре просторного внутреннего дворика, на самом видном месте. Должно быть, она стояла целое состояние. Но не в деньгах было дело. Я видел её здесь всегда - и в летний зной, и под осенним дождём, и под зимним снегом. А теперь рабы грузили её в повозку, где для неё уже не оставалось места.

Рядом стояли ещё две повозки, тоже заполненные до предела. Я с горечью узнал прекрасных скаковых лошадей, запряжённых в сельские колымаги, - ведь они принесли отцу славу в Олимпии. Узнал и роскошную колесницу, запряжённую Воронком, ту, на которой я чуть было не получил свой лавровый венок.

- Отец! - крикнул я, гарцуя на не остывшей после скачки лошади. - Враг рядом! Бегите в город!

Отец на миг растерянно посмотрел на меня. Потом нахмурился и хрипло крикнул рабам:

- Чего вы стоите, олухи! Грузите быстрее! Слышали, враг рядом!

Я соскочил с коня.

- Отец, нет времени! Бросьте всё, иначе погибнете! - пойдя к нему вплотную, я старался говорить как можно мягче. Но отец так не считал.

- Не смей кричать на отца! Это имение поднял из пепла ещё твой дед после нашествия персов. Здесь годы упорного труда. Как мы можем это так просто бросить?

- Отец, а что с виноградниками? Ты их тоже увезёшь? - ответил я как можно спокойнее. Похоже, у меня получилось.

Отец вдруг осунулся и отвёл глаза, в которых сверкнула скупая слеза.

В этот момент Хлоя, всё видевшая, выхватила кухонный нож из разбросанной на земле утвари и стала резать ремни упряжи на одной из повозок.

- Агафин, Ириний, освобождайте лошадей и садитесь верхом! Ирида, Ксанти, живо - им за спины! - крикнула она высоким голосом. - Остальные добирайтесь до города кто как сможет. Архип, помоги посадить хозяина в колесницу!

Её слова все приняли без раздумий. Уговаривать бежать никого не нужно было. Отец раскрыл рот, чтобы что-то

крикнуть, но лишь глубоко вздохнул и махнул рукой. Архип помог ему взобраться на олимпийскую колесницу. Хлоя, по добрав подол, встала рядом. Колесница объехала лежащую на земле статую. Архип зычно крикнул Воронку, и тот послушно рванул вперёд, подняв облако пыли. За колесницей поскакали верхом Агафин и Ириний со спутницами. Последними бегом покинули двор престарелый садовник Пахом и его юный помощник Ефим.

Я остался один посреди этого парадного двора, где каждое растение, каждую статую и колонну я помнил с рождения. На земле, беззаботно улыбаясь небу, лежал бронзовый мальчик-Пан, мой приятель по детским играм. А вокруг буйно цвели яблони, осыпая белыми лепестками всё вокруг. Воздух был наполнен ароматами весны. Я на мгновение замер. В это время года имение было особенно прекрасно. Именно таким я его и запомнил. И поклялся, что таким оно и останется.

Я вернулся в Афины, когда со стен города уже были видны первые конные разъезды беотийцев. Прошёл всего месяц, а я не узнавал родные улицы. Повозки, скот, скарб, грязные, уставшие люди с плачущими детьми заволокли улицы, площади, пустыри Афин и Пирея. Бескрайняя толпа беженцев со всей Аттики растекалась по городским улицам и переулкам, заполняя всё свободное пространство - даже узкий проход между стенами до Пирея. Люди были везде.

Опять на перекрёстках появились прорицатели и представители оракулов, пугающие слушателей туманными и страшными пророчествами. То тут, то там сбитые с толку селяне и горожане собирались в группы, пытаясь узнать друг у друга последние новости. Эти группы иногда разрастались до стихийных собраний. У одного из таких я постоял.

- Люди! Жрецы не пустили нас в храм Деметры! А куда нам идти? Я сам видел, как спартанцы подожгли мой дом! А потом они подожгли моё поле пшеницы! - надрывно кричал какой-то селянин, держа в руках свою соломенную шляпу. - И я не знаю, где моя жена... Чем я буду теперь кормить своих детей...

К селянину испуганно прижимались лохматая девочка лет семи и непрерывно плачущий чумазый малыш, едва стоящий на ногах.

- Мой дед рассказывал про такое, когда пришли персы. Но тогда афиняне прогнали врага! Неужели мы хуже? - ответил ему молодой парень.

- Да, пора отомстить! Справедливый гнев питает бойцов, - поддержал его другой. - И его у нас достаточно! Выйдем на спартанцев сейчас же, пока вся Аттика здесь!

- И ляжем всей Аттикой, как в последней битве с ними под Коронеей. Ты видел спартанцев в бою? - с злой усмешкой ответил седовласый горожанин с глубоким шрамом. Он сказал это негромко, но так, что все повернулись к нему. - Тот. А я видел... Эти убийцы только и ждут, когда мы выйдем

за стены.

- Спроси у своего деда, если он жив, как афиняне победили персов, - так же спокойно продолжил он, обратившись к юнцу. - В море наша сила. Слушайте Перикла.

- Будь проклят твой Перикл! Это он навлёк на нас гнев богов! - истошно завопил первый селянин. - Он, с его родовым проклятием...

- Да, поссорился со спартанцами - тоже он! - крикнул кто-то из толпы.

- Заткните свои пасти, иначе я их сам заткну! - очень повоенному рывкнул седовласый горожанин. - Перикл - наш стратег. А враг у стен. Кто сеет смуту - помогает врагу. Расходитесь и голосуйте на Пниксе, как положено по закону...

Его слова подействовали. Люди, ворча, стали расходиться.

Я пошёл дальше, осознав, что город стал похож на закипающий под крышкой котёл. И если эту крышку не снять, пар её отбросит.

Перикл понимал, что творится в душах граждан, и поэтому не созывал собрания.

«Сейчас не время, - говорил он. - Люди раздражены и могут наделать ошибок. А выходить за стены и давать бой в поле - ошибка. Будем ждать».

Архидам конечно понял, что противник уклоняется от сражения в поле. Когда пелопоннесцы разграбили предместья города спартанский царь повёл своё войско от стен Афин дальше по Аттике. Так он надеялся выманить Перик-

ла.

Перикл ждал этого момента. И едва пелопоннесское войско скрылось за горизонтом, собрал стратегов. Вскоре были объявлены сборы в ответный набег вдоль берегов Пелопоннеса.

Утром в наш дом постучался вестовой. Меня вызвали на заседание совета стратегов. Я догадывался, что мне назначат литургию триерархии, но верить в это боялся. Я не ошибся. Через пару часов я стоял в толпе на Агоре перед зданием Стратегиона, среди сотни других граждан, призванных стратегами. Я слушал, затаив дыхание, имена и названия триер, которые выкрикивал Перикл своим глубоким голосом.

- Эвриптолем, сын Мегакла, из демаХоларг. Триерархом на «Немертею». Корабль у третьего эллинга.

Сердце бешено застучало. Я поспешил, почти побежал, к столу стратегов, и Перикл с лёгкой улыбкой вручил мне деревянную табличку с номером корабля и печатью Совета.

- Поздравляю, - тихо сказал он. - Удачи в море. Не посрами отца.

Я схватил отполированный многими ладонями кусочек дерева и только кивнул в ответ, не найдя слов. По лицам стратегов, сидящих рядом с Периклом, пробежала тень лёгкой насмешки.

Это была моя первая литургия триерархии - очень почётная и очень дорогостоящая. Афины доверяли мне на год триеру. И я должен был оснастить корабль, набрать экипаж и

повести его в боевой поход.

Все детские игры, в которые я играл со сверстниками на пирейских причалах, глядя вслед уходящим в море триерам, вдруг стали явью. Мечта, которую бережно хранит в сердце каждый афинский мальчишка, лежала у меня в ладони. Я стал командиром стремительного и мощного корабля непобедимого афинского флота.

Я принёс кусочек дерева домой, как драгоценный камень, и с гордостью показал его отцу, матери и Хлое.

Отец, осунувшийся, ещё не отошедший от потери имущества, взглянул на табличку, потом на меня. Взгляд его стал тёплым и полным гордости. Но через пару мгновений он нахмурился.

- Что ж, не урони чести рода Алкемеонидов. Но береги своих людей. Триерархом быть непросто, - сказал он серьёзно. - Я помогу тебе с деньгами. Надеюсь, вы отдадите теперь пелопоннесцам всё, что они заслужили, - добавил он зло.

Мать молча обняла меня. Я почувствовал, как она тихо всхлипнула, уткнувшись мне в грудь лицом.

- Молодец, сынок. Горжусь тобой. Храни тебя Посейдон, - сказала она, отстранившись и улыбаясь глядя мне в глаза.

Когда дошла очередь до Хлои, она лишь молча прижалась ко мне и долго стояла, словно боялась отпустить. Как будто я уже сейчас ухожу в Пирей.

- Что же, давайте отметим! - крикнул я как можно веселее. - Мне нужен хороший глоток доброго вина. И сегодня

я пошлю за друзьями.

Хлоя улыбнулась, отпустила меня и поспешила на кухню. Мы начали симпосий в домашнем кругу. Накрыли стол. Отец велел принести амфору старого немейского вина. А потом травил байки о своей молодости и нелёгкой службе триерархом. Мать и Хлоя смеялись и охали, слушая его. Я улыбался, видя отца таким жизнерадостным.

В самый разгар веселья, когда отец рассказывал, раскрывшим рот от удивления женщинам о том, как он в дельте Нила спрыгнул с корабля прямо на спину крокодила, подошёл раб Агафин.

- Эвриптолем, тебя кто-то спрашивает.

Мать и Хлоя тревожно переглянулись.

- О, это, наверное, Алкивиад или Еврипид спешат меня поздравить, - беспечно сказал я им, поднимаясь с ложа.

У дверей дома стоял коренастый, прожаренный ветром и солнцем немолодой моряк.

- Хайре, Эвриптолем, - сказал он с достоинством. - Меня зовут Еврит. Перикл попросил меня стать твоим кормчим.

Я широко улыбнулся. У меня уже есть кормчий.

- Хайре, Еврит. Очень рад. Заходи же, отпразднуем. Я познакомлю тебя со своими родными.

- Спасибо, Эвриптолем. Но я пришёл не за этим. Мы уходим послезавтра. Пошли, у нас ещё очень много дел.

Я не стал противиться и, попрощавшись с родными, последовал за этим суровым человеком.

Остаток вечера и весь следующий день мы с Евритом ходили по складам Пирея, набирая такелаж, паруса и вёсла. К моему удивлению, Еврита все знали и отдавали ему лучшее. Выданная государством триера тоже была в очень хорошем состоянии. Отбоя от гребцов не было, и, несмотря на то что Еврит и старшина гребцов Архип были очень требовательны, команду набрали быстро.

Вскоре я гордо прикрепил на носу своей триеры родовой щит с белым трискелионом. Когда я закончил, я повернулся и замер. Двести человек моей команды задумчиво смотрели на меня и на этот символ. Я не отвёл глаз, хотя счастливая улыбка сползла с моих губ. В тот момент я протрезвел - впервые осознал, что всё это не игра. Я вспомнил бой у стен Самоса, вспомнил окрик Лакедемония, когда я встал на таран. «Триерархом быть непросто», - вспомнил я слова отца. Что ж, настал и мой черед.

Следующим утром, я вместе с другими триерархами вознёс хвалу Посейдону, а потом стоял на корме рядом с Евритом, наблюдая, как удаляется родной берег. С берега, улыбаясь, махала мне рукой Хлоя. Меня она проводила спокойно, без слёз и причитаний, в отличие от других жён и подруг, шум которых заглушал команды кормчих и триерархов. Но глаза у неё были очень тревожными.

Гребцы на моей триере были в большинстве своём опытными, корпус хорошо просмолен и крепок, так что корабль легко скользил по спокойному морю, занимая своё место в

строю прославленного афинского флота. Гребцы затаили походную песню. Я подхватил её в полный голос, как на певческих состязаниях в Одеоне, и голос мой звенел над Зейской бухтой легко и свободно. И хотя я давно уже не был мальчишкой, и шли мы в боевой поход, из которого могли не вернуться, сердце моё наполнила какая-то детская радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.